

Я вношу беспорядок

Франсуа-Поль Журн, F.P. Journe Invenit et Fecit

Алексей Тарханов

F.P. Journe Elegante by F.P. Journe, сплав Titalyt®, бриллианты, электромеханический калибр

F.P. Journe Vagabondage I Or, золото, ручной завод, лимитированная серия 68 экземпляров

F.P. Journe Automatique, указатели даты и запаса хода, золото, циферблат из розового золота, автоматический подзавод

F.P. Journe Chronometre a Resonance, двойное отображение времени, индикатор запаса хода, платина, циферблат из белого золота, ручной завод

F.P. Journe Elegante by F.P. Journe, титан, каучуковый ремешок, электромеханический калибр

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

моя жажда новшеств идет вразрез с логикой производства. потому что появляется слишком много моделей. нельзя все делать сразу

В дни Watches & Wonders Франсуа-Поль Журн представил новую версию часов F.P. Journe Automatique и вернулся к своей знаменитой серии Vagabondage, выпустив часы в золотом корпусе, напоминающие о первой модели, ставшей легендой среди коллекционеров.

— Мы встретились в первый день Watches & Wonders, каковы ваши впечатления от салона?

— Хорошо организован, как обычно. Правда, слишком много брендов Richemont, но это меняется. Хорошо, что появились марки из Базеля. Я был одним из первых, кто подталкивал руководителей компаний, всегда выставлявшихся в Базеле, собраться в Женеве. И подталкивал их коллег в Женеве принять у себя Базель.

— При этом вы не хотите участвовать в часовых салонах.

— Участвовал когда-то давно, но больше — нет. Зачем они мне? Зачем я им? Я вношу беспорядок.

— Ну а ваше участие в Grand Prix d'Horlogerie de Geneve? Тоже раньше «да», а теперь «нет»?

— Это были хорошие времена. Тогда соревновались все, и цена у наград была другая. Сейчас Patek Philippe не участвует, я не участвую, Rolex не участвует. Награды присуждают, потому что награждать некого. Это соревнование в младшей группе. Старая для этого.

— Но вы столько раз получали там «Золотую стрелку», никто не был настолько результативен, на что вам жаловаться?

— Видите ли, если бы я продолжал, то каждый раз, когда выпускал бы часы,

получал бы за них приз. Каждый год. Кому такое понравится! Да меня бы просто прибили. Я дорожу своей жизнью и предпочел уйти заранее, сам.

— Но есть же и другие соревнования. Мы виделись с вами в ноябре на Only Watch. После этого аукциона вы стали самым дорогим часовщиком в мире. Среди ныне живущих, конечно.

— Надеюсь, я еще поживу. И на новые рекорды надеюсь. Я всегда говорил, что настоящий часовой Гран-при — это именно Only Watch. Каждые два года вы выходите на ринг. Здесь нет рутины, нет повторяемости. Потому что это покупатели, коллекционеры, которые платят собственные деньги, выносят решение. Не журналисты, не байеры, не архитекторы, не рок-певцы, которые ничего не понимают в часах.

— Будете ли вы выпускать вашу прославившуюся после аукциона модель FFC Blue?

— Если я начну их выпускать, мне придется чем-то ради них пожертвовать. У меня давно наметилась большая, огромная проблема на мануфактуре: моя жажда новшеств идет вразрез с логикой производства. Появляется слишком много моделей. Мне пришлось остановить выпуск Grande Sonnerie Souveraine. Как раз в тот момент, когда все мечтали купить эти часы, я прекратил их производство. Потому что нельзя все делать сразу. И с часами FFC с этой изумительной рукой на циферблате может произойти то же самое.

— То есть вас ограничивает только ваше время и ваши силы, ничего больше вас не сдерживает.

— Точно! Ограничивает потому, что я не хочу расширяться, и к тому же я продолжаю разрабатывать новые модели. В этом году я не сделал почти ничего особенного, немного успокоился, взял себя в руки. И думаю, что взявшись за FFC сейчас я не могу. Посмотрим к концу года, вдруг появится какое-нибудь окошко.

— Но я вижу, что у вас все-таки есть большая новинка, подарок для коллекционеров — Vagabondage I в золоте, как вы сами говорите, «последняя глава трилогии, начатой 18 лет назад».

— Ну это надо было сделать! Несправедливо было бы, чтобы коллекционе-

ры, у которых есть золотые Vagabondage II и Vagabondage III, так и не получили первой модели в этом же материале. Я не мог оставить их во фрустрации. Держите третью модель и будьте наконец счастливы, что владеете всей золотой трилогией. И вот уже три дня я боюсь снимать трубку. Все хотят! Все хотят!

— А как люди узнают, что вам пора звонить? У вас есть полное досье, списки ваших покупателей? Вы им сообщаете о ваших новинках?

— Мы стараемся понять, кто покупает наши часы. Многое нам удается узнать благодаря службе послепродажного сервиса. Часы все-таки переходят из рук в руки, мы знаем, что и кому было продано в бутиках, но дальше следить за часами гораздо сложнее.

— Но ведь есть ваш Service Patrioïne? Вы покупали свои старые модели, обновляли их и предлагали покупателям.

— Я уже не в состоянии покупать, мои часы стоят слишком дорого даже для меня. Каждый раз, когда я приобретаю часы, меня атакуют минимум четыре потенциальных покупателя. А я не хочу, чтобы на меня обижались. Зайдем с другой стороны, соберем виш-листы и в зависимости от этого будем вести закупки.

— Откуда надпись «Geneva Made» на роторе ваших часов?

— «Swiss Made» давно ничего не значит, можно сделать часы в Гонконге и прицепить браслет в Женеве, и они будут считаться Swiss Made. Точно так же я никогда не проходил контроль COSC, они тестируют механизмы, а не сами часы, и если в момент установки механизма в корпус будут проблемы, тут никакой COSC не поможет.

— Мучает меня один вопрос. Я видел ваши круглые часы, видел ваши часы в корпусе «черепаха», но не видел квадратных. Чем вам не нравится эта форма?

— Ну, «черепаха» была для Vagabondage и для коллекции Elegante, но я считаю, что часы должны быть круглыми. Что такое круг, и что такое квадрат? Квадрат — это круг с «ушами» и в этих ушах нет механизма, нет ничего. Потерянное место — это ничего не приносит часовому делу.